

Журнал "Смена"

№ 11, 1957

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 11, 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56164-8

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-56164-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Что облаком балесым
Взметнутся куропатки у сосны.
Того и жди,
Что в ельнике косматом
Лисица ярким пламенем мелькнет
И белка вдруг
По соснам суковатым
Вверх побегит и в кроне пропадет
Того и жди...
А я тропой долгой
Бреду, молочками пуская дым,
То поклонюсь
Березе босоногой,
То залобуюсь
Дубом молодым.

Ликуй, краса степей,
Раздолье птичье,
С полей повеяло
хмельным,
грибным...

А лес стоит
Во всем своем величье,
Таких знакомых
И таких родных...

ОСЕТИНКА-РЕКА

Добрый день, моя радость,
Горышка-река,
Ты задорна в работе,
Сильна и ловка.

В знойный полдень
Твои бесполойные воды
Навещают сады
И бегут в огороды...

Осетинка-река,
Моя радость-река,
Твои шумные воды
Белой милока.

Ты, как детство мое,
Говорящая, играя,
Ты при всякой погоде
Мила и красива.

Ты вдыхаешь
Бодрую свежесть долин,
Чашешь носу свою
Гребешками плотин.

Над тобою и ночи
Светлы, словно дни,
Над тобою огни —
Золотые омы!

г. Смоленск

Леонид ТАТАРЕНКО

ВЕЧЕР

Чуть касаясь волн зеленоватых,
Над Боромлей клонится лоза.
В дымке на чаше позот давчата,
Чайками взлетают голоса.

Вечер опускается балесый
Над пологим берегом реки,
Синевя слетает с мөрных весел,
И плывут, мигая, огоньки.

А волна, касаясь крыльев чаек,
С тихим плеском наткнется на плес
Да кушину желтые качает
Там, где окунь плещется у лоз.

ОБЩЕЖИТИЕ

«ГИГАНТ»

Звонко пробили куранты,
Звездная ночь светла.
Пятый этаж «Гиганта»,
Третье окно от угла.

Льется на листья шленов
Свет розоватый таной.
Тонюка ветви с балкона
Можно достать рукой.

Заштра порою ранней
Встретит меня Донбасс,
Вечно шумящее зданье
Вспомню еще не раз.

Звонко пробили куранты,
Звездная ночь светла.
Пятый этаж «Гиганта»,
Третье окно от угла.

г. Киев

Александр ЧАСОВНИКОВ

НАШ САД

В наш сад слетались соловьи
Из Курска, Витебска, Рязни,
Поют все ночи о любви
Без директивных указаний.

И даже мрачный бюрократ
Открыл окошко в кабинете,
И даже он сегодня рад,
Что есть любовь на белом свете.

А злобный скептик помелтел.
Гасы в черныльнице окури,
Он изготовил сотни стрел
В своем замшелом зануулке...

Он на Весну пошел в поход,
На соловьиные рудалды...
А низень поет, и сад цветет.
И сплетня чашнет от досады.

Любимая, я очень рад,
Что солнце светит над долиной,
Что сад растет наш без досад,
Что весь он юный, соловьиный.

г. Кострома

Александр ПЕНЬКОВ

У ОКНА

Сыпал снег. Стояли двое у окна
И о чем-то думали своем...
Ей казалось, что она одна,
А ему — что здесь они вдвоем...

Снег был перлам. Пышный и красивый,
Он летел и падал без конца...
Парень был влюблен давно и сильно,
Но стучали вразной сердце.

Он уже почти не делал тайны,
Что дорожке всех ему она...
Ей казалось, что они случайно
Очутлись рядом у окна.

г. Москва

Виктор ЛЕВАНОВ

В ДЕРЕВНЕ

У берегов,
Обломан початый,
В сплошную залежь
Смерзся синий лед,
И словно
Свежемолотой крупчаткой
Посылал кто-то
Шаткий переход.

Уходит в лес
Речушка стылой выгиб,
На отраве
Пустые берега,
А вдаль,
Как хлебные ковриги,
Стоят соломы рыжие стога.

Есть в этой зимней
Красоте суровой
На близкий май
Невидимый намек.
На потому ль,
Как сердце жизни новой,
Стучит в колхозе
Труженик-движок.

г. Львов

тысяч юношей и девушек в степи Алтая и Казахстана, Южного Урала и Поволжья. В степях были бураны, но тракторные поезда, взрывая сугробы, уходили с новосалами на встречу метелям и стужам. Теперь весь мир знает о великой победе на целине, о высшей награде, которой удостоили партия и правительство комсомол за проявленную доблесть в освоении новых земель.

Партия обратилась с призывом к молодежи, к комсомольцам ехать на строительство новых заводов и городов, осваивать богатейшие районы Дальнего Востока и Крайнего Севера. И опять зашумела юность в комсомольских комитетах. И опять двинулись эшелоны, увозя более ста тысяч молодых энтузиастов выполнять задание партии.

Отряд комсомольцев-строителей мне привелось встретить на другом конце планеты — на ледниках шестой части света, в Антарктиде. Все ветры земные меркнут перед сариральными ураганами «Земли белой смерти», все опас-

ности, которыми может угрожать человеку природа, собраны здесь воедино, но ни ураганы, ни лютые морозы, ни злоеющие трещины — ничто не остановило бесстрашных комсомольцев. Смертью героев пали в борьбе со стихией, во имя науки комсомолец Иван Хмара и Евгений Зубарев. Были обмороженные, больные, но не было трусов, не было паникверов и ночь. И вот там я познакомился с комсомольцем Николаем Бураком, строителем дальневосточного Комсомольска. С берегов Амура Бурак отправился в Антарктиду и принес туда славу своего города, славу комсомольца Комсомольска. Он был первым на разгрузке кораблей, первым на стройке. Все комсомольцы работали так самоотверженно, что коллектив экспедиции решил отметить их подвиг: назвать главную сопку в Мирном Комсомольской.

Мы стояли с Николаем Бураком на Комсомольской, смотрели на мрачные ледники, на крутую океанскую волну, бившуюся об

айсберги, и оба вспоминали далекий Комсомольск. Николай говорил о своих друзьях, о комсомольских субботниках, о родном городе, который дал ему ту душевную крепость, какой отличаются обычно смельчаки, отважные люди.

Тысячи и тысячи комсомольцев, никогда не бывавшие в Комсомольске, вот так же вспоминают город на Амуре, как бойцы вспоминают знамя своей части, зовущее на подвиг. Ведомый партией, советский народ поднимается к вершинам коммунизма. Победы нашей страны умножаются с каждым годом. Но всегда будем мы помнить подвиг советской юности на берегу Амура и будем гордиться Комсомольском: подвиг его не в том, что, раз совершившись, уходит в прошлое и становится историей. Подвиг его вечно живой, многократно повторяющийся, поднимающий на славные дела новые поколения.

Е. РЯБЧИКОВ

Здравствуй, лябина!

Павел ШЕБУНИН

Рассказ

Все началось с приезда двоюродной сестры — Татьяны. Ее драповое пальто городского покроя, мягкий пуховый платок, высокие блестящие боты сразу привлекли жадное внимание Вари. Татьяна осторожно поцеловала накрашенными губами двоюродную сестру, протянула руку ее отцу.

— А тетя Маня где?

— На молочной ферме, — ответил Петр Петрович. И хотя сам вчера видел, как Татьяна ехала на попутной машине со станции, спросил: — Давно приехала?

Татьяна скинула пальто, бережно повесила его на один из гвоздиков с катушками от ниток, заменявших вешалку, расправила полы, чтобы не мялись, и присела на скамью.

— Еще вчера хотела к вам зайти, да никак не доберешься: и тех надо навестить и других. Ведь все село — родня!

Раскрыв большую дерматиновую сумку с никелированным замком, Татьяна достала пакетики, протянула Петру Петровичу:

— Рису вам привезла. Пусть тетя Маня пирог спечет. У вас, наверное, рису нет?

Варя, стоя посреди комнаты, рассматривала Татьянино платье. «Верно, чистая шерсть», — подумала она. И спросила:

— Почему, Таня, платила за метр?

Татьяна оглядела себя, поправила блестящую пряжку на поясе, назвала цену.

«Значит, хорошо зарабатывает», — подумала Варя, продолжая рассматривать гостью. Волосы завиты и стали совсем другого цвета, не каштановые, как прежде, а золотые. И брови потоньше стали и потемнее. Губы ярко накрашены, а вот запудренные щеки бледные, заплашны. Хотя Татьяна никогда и не была полной, а видно, как похудела.

— Ты болела? — спросила Варя просто-душно.

— С чего это я буду болеть? — В голосе Татьяны прозвучала обида, но она тут же улыбнулась и пояснила: — Это я в дороге устала. Вагон бесплэцкартный, толком не выспишься. Хорошо, мне один сержант место на верхней полке уступил. Адрес свой оставил, просил писать. — Татьяна порылась в сумке, словно желая показать адрес, но достала большую эмалированную пудреницу, прошила ваткой по лицу, заглянула в зеркальце.

— Может, найдешь свое счастье, — серьезно заметил Петр Петрович.

Татьяна деланно рассмеялась:

— Зачем он мне? В Москве таких женихов, как он, сколько хочешь. Только я замуж не торплюсь. Если уж решать свою судьбу, то выходить за человека серьезного, у которого своя площадь есть. В Москве самое главное — площадь... Конечно, одеваться надо как следует, чумичкой ходить не станешь. Я вот зимнее пальто справила, больше тысячи обошлось.

Петр Петрович перевел взгляд на висевшее на стене пальто, но Татьяна пояснила:

— Нет, это у меня демисезонное. Тоже около тысячи... За платок триста отдала.

— Значит, хорошо зарабатываешь?

— На заводе рублей семьсот.

— Не очень чтобы много, — заметил Петр Петрович. — Небось, и за квартиру надо отдать, да и в столовой тоже все на рублики идет. Бывал в Москве, знаю.

— Я дома варю, — объяснила Татьяна. — И потом я еще подрабатываю.

— Что же, еще какую службу имеешь?

— Нет. Я к одной хозяйке хожу помогать: два раза в месяц стирка, а там еще и посуду помыть или полы протереть. Две сотни в месяц платит и кормит.

— Когда же ты успеваешь? — удивился Варя.

— Если в ночную работаю, то днем к ней хожу, а если на заводе в утреннюю смену, — то вечером. Мне довольно в сутки несколько часов поспать!

Петр Петрович посмотрел на часы, стал надевать ватник.

— Пойду, пора молоко везти. Мы теперь на молочный пункт сдаем. А вы тут с Варюшкой потолкуйте.

Когда девушки остались одни, Варя не удержалась, пощупала материал на платье, на пальто. Татьяна встала, набросила платок на голову Варя, положила складочку, подвела сестру к зеркалу.

— Вот ты какая красавица!

На Варю из зеркала глядело знакомое розовощекое лицо. В таком дорогом платке, пожалуй, станешь красавицей. Варя расправила конец платка на груди, повернулась к зеркалу боком, снова бросила взгляд. Нет, хоть трудодень в этом году неплохой, но родители денег на такой платок ни за что не дадут! Счастливая Татьяна, сама зарабатывает и живет, как хочет.

Татьяна, казалось, угадала Варины мысли.

— Чего вздыхаешь? В Москву захотелось? Поедем вместе. Первое время у тети Нюши со мной поживешь, а потом общежитие дадут. Поступишь на завод или на строительство. Каждый две недели будешь зарплату получать. И приработать всегда можно.

Когда Татьяна ушла, Варя долго думала о городской жизни. Только не ленись, любые наряды можно нашить! А тут все лето работала на поле, а трудодни отцу достались. Что купит, то и хорошо. Отец зря деньги тратит не любит...

Вечером, когда мать вернулась с молочной фермы, Варя принялась ей рассказывать о Татьяне, о ее заработках. Но высокие заработки Татьяны и ее обнови не произвели на Марию Григорьевну ожидаемого Варей впечатления.

— Куда лучше у нас в колхозе! — резонно ответила она. — Тут сам себе хозяин, и почет тебе. А то бегай по квартирам, чужое белье стирай!

Варя не стала спорить с матерью, а когда через несколько дней сказала родителям о своем решении ехать в Москву, мать недовольно поджала губы и промолчала, ожидая, что ответит отец. Петр Петрович потер ладонью щетинистую щеку и сказал неторопливо:

— Смутила тебя Танька! Оно, конечно, зарплата два раза в месяц. Только за все рублени отдай... Круглые денежки, потому и катятся.

Мать молчала. Варя так и не поняла, как же отнеслись родители к ее решению. «Вот будут так неделю тянуть, — подумала она, — а Татьяна уедет, тогда все пропало. Ведь надо еще с председателем колхоза договориться, с комсомольского учета сняться. Тоже не сразу согласие дадут; от председателя колхоза только и слышишь, что рабочих рук не хватает. Вон сколько ребят в ремесленное уехало, на строительство завербовалось!»

Для за два до отъезда Татьяны отец неожиданно спросил Варю:

— Так как, едешь?

Варя вспыхнула от радости:

— Еду, если отпустите...

— Что ж тебя держат? Ты уже взрослая, скоро восемнадцать. Главное, чтобы баловство не было. Таньку не очень слушай, у нее одни наряды на уме. Не поравится, вернешься: тут сутки езды, не дальний свет. Да помни: и в колхозе дела налаживаются.

Против ожидания, председатель легко отпустил Варю, даже не стал спрашивать, почему она уезжает. Видно, не считал ее таким уж ценным работником. Секретарь комсомольской организации Тоня, наоборот, долго говорила о том, какие перспективы открываются перед колхозами.

«Отказала бы уж сразу! — злилась Варя. — Что зря душу выматывать!»

Но, закончив свою длинную речь, Тоня деловито выполнила все формальности и протянула Варю руку:

— Устроишься на работу, сообщишь, куда учетную карточку высылать.

Теперь уже ничто не связывало Варю с колхозом.

Накануне отъезда она решила попрощаться с родными местами. Сразу за околицей начались перелески. Между ними тянулись болотистые низины с небольшими, не пересыхающими даже в летнюю жару лужайками. На крестовинах, приподнятых над землей, стояли маленькие стожки сена, похожие на лопатые папки. Варя шла, приглядываясь к корявым березкам, осинкам, кустам орешника. Каждая полянка была здесь ей знакома.

Дальше на широкой полосой шло поле, а за ним начиналась дубрава, по краю которой краснели обильными гроздьями рябины.

Варя остановилась на одной полянке, взяла рукой за гладкий, словно отполированный ствол рябины. Пахло опадающей листвой, и этот знакомый запах почему-то взволновал Варю. Ей до слез стало жаль, что она больше не сможет приходить сюда за ягодами, вдыхать аромат скошенной травы... Вся жизнь в колхозе теперь пойдет без нее. Варя приткнулась к рябине и разревелась. Было жаль родных мест и в то же время неудержимо тянуло в город, казавшийся таким заманчивым...

II

Когда стали подъезжать к Москве, Татьяна помогла Варю повязать платок по-городскому, критически осмотрела ее порывчатый жакет, но сказала ободряюще:

— Ну вот ты и москвичка!

Первым чудом, поразившим Варю, было метро. Она едва успевала за Татьяной, толкая своим сундучком пассажиров.

Потом ехали в трамвае. Варя, стоя на передней площадке, рассматривала высокие дома, витрины, вывески, и ей не верилось, что она будет жить в этом городе, ходить по этим улицам.

Тетка Татьяны жила в полуподвале маленького деревянного домика. Рядом высилось огромное здание, занимавшее целый квартал.

Девушек встретила дорожная женщина с расплывшимся лицом, небрежно причесанная. Прищурив маленькие глазки, она вытирала руки о клетчатый прорезиненный передник.

— Здравствуйте, тетя Нюра! Поклоны вам от всех наших. И папа кланяется, и мама, и

тетя Маня! — затараторила Татьяна. — Гостинцев вам прислали.

— Это кто же будет? — не отвечая на приветствие, спросила женщина, глядя на Варю довольно неприязненно.

— Дочка тети Мани — Варя. На работу приехала. Она тут у нас дня три побудет, пока общежитие получат. Хорошо, тетя Нюра!.. Она вас отблагодарит.

— Ну, что ж, если два дня, пусть поживет. — И вернулась к корыту с намоченным бельем. Когда девушки умывались в куане, Татьяна шепнула Варю:

— Тебе главное зацепиться. А за два дня найдешь работу с общежитием. Рабочие руки везде нужны!

Потом Татьяна принялась распаковывать свой чемодан. Достала завернутого в газету гуся, протянула тетя Нюра.

— Это вам мама прислала. Самого откормленного выбрала.

Женщина потерла руки о передник, взяла гуся, развернула, понохала, оглядела со всех сторон, скупо сказала:

— Спасибо.

Татьяна подала ей небольшой мешочек:

— А это картошка. Вся на рынке не покупает!

Женщина взвесила мешочек на руке, положила на стол рядом с гусем. Татьяна достала еще жареную курицу и сказала:

— А это мы сейчас позавтракаем.

Тут только Варя спохватилась, бросилась к

своему сундучку, извлекла дорожные припасы, тоже выложила на стол.

Тетя Нюра сердито бросила Татьяне:

— Что же тарелки не достанешь? Развалила все в газетках, как на вокзале! Слава богу, в доме живешь!

Татьяна кинулась к шкафчику, зазвенела посудой. Варя стояла у стены. Суровая тетя Нюра не спешила сесть за стол. Она поглядывала то на Варин сундучок, то на Татьянин чемодан.

— С приездом, значит! — наконец проговорила она.

Татьяна догадалась, метнулась к Варю, вытолкнула ее в переднюю, зашептала:

— Надо уважить старуху! Сбегай, Варюша, возьми четвертинку. Тут недалеко. Сразу налево иди, сама увидишь. Там вывеска «Бакалея».

Отец дал Варю на дорогу триста рублей. Пока она потратила деньги только на билет. Еще в дороге прикидывала: на месяц хватит, а тут непредвиденный расход. Но спорить не стала, вытаскивая деньги, спрятанные на груди, отделила полсотни, вышла на улицу.

Когда Варя вернулась, Татьяна и тетя Нюра, о чем-то шумно разговаривавшие, сразу замолчали. Варя догадалась: разговор шел о ней. Поставила на стол четвертинку и снова отошла к стене.

— Ну, садись, чего стоишь? — теперь уже притворно сердито проговорила тетя Нюра, опускаясь на стул.

После завтрака Тат-

яна стала убирать со стола, а тетя Нюра оделась, положила в кошелку гуся и молча ушла.

— На базар пошла, — пояснила Татьяна. — У нее каждая копейка на счету. Сама вехтером на нашем заводе работает, два сына ей деньги присылают, с меня полтораста берет за квартиру... — Она быстро сновала по комнате, наводя порядок, потом сватила платок: — Побегу к хозяйке, может, ей что нужно. Ты отдыхай.

Варя осталась одна. Из окна, выходившего во двор, были видны ноги ребятишек да метла, шаркающая по асфальту. Хотелось спать, но Варя не знала, где можно примоститься. Наконец прилегла на сундучке, положила на него привезенную из дома подушку, и сразу уснула.

Вечером тетя Нюра ушла на дежурство, а Татьяна долго рассказывала Варю, куда идти завтра искать работу. Записала на бумажке несколько адресов, объяснила, на каком трамвае ехать.

— Тебе главное зацепиться, — убеждала она. — Бери работу, какую предложат. И держись посмелей!

Ночь Варя провела на том же сундучке. Проснулась рано и, боясь разбудить Татьяну, дол-

го лежала на спине, все думая о том, удержит ли зацепиться.

Из дому они вышли вместе с Татьяной. Проезжали на трамвае две остановки, потом Татьяна сказала:

— Тебе выходить, вон там пересаживайся.

Отыскав нужный завод, Варя долго стояла перед дверью отдела кадров, не решаясь войти. Потом все же толкнула дверь, оказалась в теплой комнатке с несколькими окошечками, подошла к одному из них, сказала:

— Мне на работу...

— Какое у вас образование? — дружелюбно спросила женщина, выглядывая из окошечка.

— Пять классов, — ответила Варя не без гордости.

— Что ж так мало? — удивилась женщина. — Обстоятельства не позволили!

— Нет, просто бросила школу. Читать-писать умею, куда мне еще учиться!

Женщина задумалась, легонько постукивая карандашом по столу.

— На наши станки и с семилетним образованием трудно. Теперь к нам все больше из семилетних идут. Разве на подсобную работу вас устроит?

— Мне все равно. Мне лишь бы зацепиться.

— Лишь бы зацепиться? — Женщина улыбнулась. — А где вы до этого работали?

— В колхозе...

— Что ж уехали? Плохо нипосы?

— Нет, зачем плохо... — Варя даже обиделась за свой колхоз.

— Пожалуй, я вас устрою, — сказала женщина сочувственно. — Будете работать и учиться в школе рабочей молодежи. Документы при вас!

Варя поспешно протянула паспорт и комсомольский билет.

— Комсомолка! Это хорошо. Так в какой цех вас устроят? Где легче или потрудней?

— Все равно, я сильная. Мне лишь бы сразу себя показать, а то тетя разрешила только два дня у нее прожить.

Женщина протянула назад документы.

— Нет, у нас места в общежитии и по полгода и по году ждут. Как же это вы уехали из колхоза, ни на что не рассчитывая?.. Хотя подождите минутку.

Женщина поговорила с кем-то по телефону, написала Варю на бумажке адрес.

— Попробуйте съездить. Это за городом, по Курской дороге. У них есть общежития.

Смысл трамвай, метро, электричка. Расспрашивая прохожих, Варя добралась до завода. Нашла отдел кадров, сразу протянула в окошечко документы.

— Тут насчет меня звонили.

Старик в черном кителе с блестящими пуговицами взял документы, перелистал их, потом вернул:

— Приходи завтра оформляться, сегодня уже поздно. — И захлопнул окошечко.

Варя ликовала: вот и зацепилась! Нет, свет не без добрых людей. Завтра она поступит на работу, переедет в общежитие. Вернувшись домой, Варя стала оживленно рассказывать о своем успехе.

— Тебя что ж, пятьсот рублей в месяц устроят? — озадачила ее Татьяна.

— Да ведь это для начала. Потом, может быть, квалификацию получу.

— Дело твоё. Только ведь это же за городом, там никакой побочной работы не найдешь.

Варя была обескуражена. Поначалу ей казалось, что все отлично устроилось. Но и Татьяна тоже права. В городе было бы лучше...

— Ты завтра не езди, — решила Татьяна. — Эта работа от тебя не уйдет. Раз дают общежитие, значит, люди им нужны. Мы пока что-нибудь другое пощем.

Варя взглянула на сестру с благодарностью.

На следующий день Татьяна вбежала в комнату оживленная, раскрасневшаяся:

— Одевайся скорей, пошли! Договорилась с командантом соседнего дома. Как раз место дворника освободилось.

Варя не решилась спрашивать, почему лучше работать дворником, чем подсобным рабочим. Она поспешно оделась и вышла за Татьяной.

В домоуправлении за письменным столом сидел пожилой человек. Он удовлетворенно оглядел статную, сильную фигуру Вари.

— Ну, а получать будете триста двадцать рублей пока, — пояснил он. — В зимние месяцы — доплата за снег.

Варя не поняла, за что доплата, но переспрашивать постеснялась. Самое главное, можно сегодня же переезжать в общежитие.

III

Раньше Варя думала, что все дворники старые и бородастые. Но в общежитии она увидела молодых девушек, примерно своих ровесниц. Они, конечно, уже знали, что к ним придет новенькая, показали Варю ее кровать. Через некоторое время она узнала, что одну из девушек зовут Клавой. Тоже работает дворником, учится в школе рабочей молодежи, в восьмом классе, хочет перейти на завод. Расспросив Варю, почему она уехала из деревни, Клева посоветовала:

— Тебе обязательно надо учиться. С пятью классами не проживешь. У нас почти все девушки учатся.

Так началась Варина жизнь на новом месте. На рассвете они с Клавой подметали улицу. К ним подошел милиционер, посмотрел, чисто ли девушки метут, перекинулся несколькими словами с Клавой. Когда он отошел, Варя спросила:

— Строгий?

— Вася? Нет, зря не придирается. Должность у него такая — следить, чтобы на участке чисто было.

Клева рассказала про других девушек, кто откуда приехал, где учатся. Варя мела улицу и думала о том, как же быть: все говорят, что с пятью классами хорошей работы не найдешь, а если учиться, то когда же приработывать?

Через несколько дней вечером в общежитие пришла девушка, назвавшая себя комсоргом, и стала расспрашивать Варю, где она думает учиться. «И эта с учениями!» — подумала Варя. Она уже успела постирать белье в двух квартирах и положила в сберкассу заработанные деньги. Если не лениться, то сколько денег можно заработать! А от учебы их не прибавится...

— У меня теперь, Лидочка, одни пятёрки и четвёрки, — похвасталась Клева комсоргу.

— Вот и молодец! К следующему лету должны новое общежитие построить, возьмем тебя в цех.

Варя несторожилась. Все-таки на заводе заработок больше. Разве поступить в школу?!

И поступила. Но дела в школе шли неважно: Варя некогда была готовить уроки. После дежурства она бегала по квартирам — стирала белье, мыла полы. Деньги на сберегательной книжке все прибавлялось, но времени для сна почти не оставалось. Когда она мела двор или

улицу, грузила на автомашину мусор, спать не хотелось, а на уроках глаза слипались, на вопросы преподавателей часто отвечала невпопад. Сначала учителя кое-как выводили ей тройки, потом пошли двойки.

Варя уже решила было бросить школу: все равно ничего не получается. Но пришла Лидка и стала расспрашивать о жизни, об учебе.

— Родителям деньги переводить! — заинтересовалась она как бы между прочим.

— Нет, они живут неплохо, им хватает.

Тогда Лидка напрямик спросила, почему Варя занимается стиркой и мытьем полов.

— Так ведь одеться нужно, — конфузился, ответила Варя.

Проговорили долго. Лидка доказывала, что и скромно одетый человек пользуется уважением, если он хорошо работает. Рассказала и про себя, как окончила ремесленное училище, как стала на заводе лучшей станочницей, назвала свои заработки.

На другой день Варя пошла в районную библиотеку, взяла книгу. Ей захотелось быть похожей на Лиду, уметь обо всем поговорить.

Подошла зима, начались снегопады. Высокий, худой старик, помощник команданта, появлялся в общежитии в три часа ночи, будил девушек. Они вскакивали, вооружались лопатами, скребками, метлами. Зябка было после теплой постели выходить на мороз, но потом становилось тепло и даже весело. Варю это напоминало работу в поле, когда трудишься вместе с подругами, смотришь, кто кого обгоняет. Радовало Варю и то, что теперь пойдет долгожданная прибавка за снег. Но когда Варя пошла за очередной порцией в бухгалтерию, то оказалось, что за снег ничего не выписано. Она от обиды даже закусил губу. Потом бросилась разыскивать команданта.

— Николай Петрович, вы говорили, что будет прибавка за снег!.

— А как же! Три зимних месяца: декабрь, январь, февраль.

— А теперь!

— Теперь за зарплату чистишь. Да и снегу-то настоящего нет.

Варю все стало ясно. А она-то мечтала, чтобы снег валил до мая...

По вечерам девушки иногда заходили в красный уголок посмотреть телевизор. Случалось, что и танцы здесь устраивали. Теперь на Варю было хорошее пальто, новые туфли, капроновые чулки.

Однажды в красный уголок зашли два солдата. Они постояли у дверей, потом пригласили Клаву и Варю танцевать. Клева сразу пошла, а Варя застеснялась, но паренек оказался настоящим, и она согласилась. Танцевала Варя плохо, но солдат вел ее уверенно. Все обошлось хорошо.

Когда солдаты ушли, она все думала о своем новом знакомом, об Андрее. Ей понравился этот молодой человек, анимательный, вежливый.

Потом они еще несколько раз встречались на танцах, ходили в кино. Андрей, видно, много читал и часто спрашивал Варю, как ей понравилась та или иная книга. Но она только крестилась. Нет, неверно говорила Татьяна, будто не видно, что у человека в голове. Видно, ой, как видно!.

Когда приходил Андрей, подруги кричали:

— Варя, твой пришел!

И Варя выбежала к нему, опреми перед зеркалом прическу. Затем они просто ходили перед домом или сидели на скамеечке под недавно посаженными молодыми деревьями. Андрей рассказывал о том, как до службы в армии работал в машинно-тракторной станции, какие урожаи снимают в Брянских колхозах, говорил о постройке межколхозной электростанции и о своем привольном, широком крае. Варя думала, что этот край похож на ее родные места, — тоже леса и перелески, грибы и ягоды...

— Когда демобилизуетесь, обязательно поедете или в городе останетесь? — спросила как-то Варя.

— Обязательно поеду! — И по-

смотрел на Варю так, что ей стало жарко, хотя стоял прохладный осенний день. Варя прочитала в его взгляде вопрос: поедет ли она с ним! А может быть, ей это только показалось. Андрей никогда не говорил, что любит ее.

Он ушел, а Варя стояла на дежурстве у дома, пряча руки в рукава ватника, и думала об Андрее. На душе было радостно и немножко тревожно.

...Однажды неожиданно приехал отец. Он авалился в общежитие с двумя большими мешками. Тяжело опустил их на пол, снял меховую шапку, стер пот с лица, сел на стул и только тогда поздоровался:

— Ну, здравствуй! Как живешь?

Варя вглядывалась в лицо отца. Он как будто пополнил, только одет по-прежнему: все тот же ватник, порыжелые сапоги потрескались и покрыты заплатами из черной кожи.

Петр Петрович поймал ее взгляд, пояснил:

— Баранину привез продавать. Что, думаю, новую одежду трепать? Хотел в наш районный центр взять, да цены там, говорят, неподходящие.

Петр Петрович закурил, потом расстегнул свой ватник, открыв выгоревшую, выдавшую виды гимнастерку. Варя с досадой подумала: «Как нарочно, все самое старое собрал».

— Что нового у вас? Как мама? — спросила Варя. Домой она писала редко. Не потому, что не думала о родных, а просто писать было нечего.

— Все здоровы. Мать на ферме работает. Премия получила. — Он принялся рассказывать о колхозных делах. Оказалось, что трудень вырос почти вдвое. Новую свиноферму построили. Купили меринсов-баранов. Две птицефермы новые. На лугах посеяли травы, много сена накопили.

— Что же ты не приедешь? — наконец не вытерпела Варя.

Отец усмехнулся, поглядел подбородок.

— Всем обновы купили. Сестры твои не хуже Татьяны оделись. В городе пальто шили... А мне ни к чему в дороге новое трепать. В театры я не собираюсь, продам мясо — и домой. Вот отдохну у вас, а утречком — на базар...

Варя догадывалась, что отец приехал ради нее, посмотреть, как она живет, а мясо захватил, чтобы оправдать дорогу... Но как объяснить ему, что здесь останавливаться нельзя? Командит ни за что не позволит. Она покраснела и наконец решилась сказать:

— Пожалуй, тебе лучше остановиться у тети Нюры...

— Да я на полу могу переспать! — благодушно ответил отец. Но Варя потянула его к тете Нюре.

По дороге Петр Петрович осторожно спросил Варю, не думает ли она вернуться в колхоз.

— Нет, меня на завод хотят перевести, — схитрила Варя. Ведь не станешь рассказывать отцу про Андрея. Да и сказать-то нечего: приходит, разговоривает, смотрит в глаза, а о главном ни слова.

— А к нам, — сообщил Петр Петрович, — бывшие трактористы из города возвращаются, комбайнеры, работники МТС. Хорошие рабочие, мастера с заводов приезжают...

Татьяны дома не было. Тетя Нюра сразу узнала Петра Петровича, пошла к нему навстречу, протянула руку.

— В гости приехал? Хорошо, что не обошел, а то твоя дочка совсем про тетку забыла. Надолго пожеловал, Петя!

— На денек. Хочу у тебя, Нюра, остановиться. Не возражаешь?

— А чего возражать? Сундук на проспишь. Не чужие, родня...

Отец скинул ватник, оправил гимнастерку, сел к столу, стал расспрашивать про городское житье. Варя помялась у двери, потом сказала:

— Мне на дежурство заступать, я пойду.

Вечером отец зашел в общежитие за бараниной, чтобы отнести ее в холодильничек при рынке. А потом заглянул перед самым отъездом с пустыми мешками.

— Может, денег тебе оставить? — спросил он Варю.

— Не надо, у меня есть.

— Мать хотела тебе гостинцев прислать, да я не взял, руки были заняты мешками. Ну, я пошел, будь здорова...

Варю удивило такое короткое прощание, она думала, что отец снова заведет разговор о колхозе.

— Постой, я провожу. Сейчас, только отпустишь.

— А чего меня провожать? Я уже дорогу знаю...

Тяжело было у Вари на душе после ухода отца. Хотелось вернуться домой, в родную деревню, повидаться с матерью. Весь следующий день Варя не находила себе места. Но когда пришел Андрей, словно гора с плеч свалилась. И хотя в тот вечер, прогуливаясь, они больше молчали, это несколько не угнетало Варю.

— Скоро демобилизация, — нарушил молчание Андрей. — Эх, и соскучился я по дому!

Варя плохо слышала, что он говорил дальше. Ей показалось, что дом как качнулся и поплыл кругом, как на карусели. Плыл тротуар, плыли недавно посаженные липы и вдруг резко остановились. Варя невольно наклонилась в обратную сторону, чтобы не упасть. Андрей взял ее за руку, спросил встревоженно:

— Варя, что с тобой?

— Голова закружилась. Снег чистила ночью, не выспалась.

Андрей посмотрел на нее удивленно: уже несколько дней не было снегопада, сухой тротуар поблескивал редкими кристалликами льда, и голос у Вари какой-то чужой, слабый.

Оба замолчали. Варя хотелось убежать в общежитие, упасть головой в подушку, чтобы никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Но она не могла двинуться с места, как бывает во сне, когда надо бежать, а ноги не слушаются... Столько Андрей рассказывал про свои родные места! Варя верила ему, думала, поедут вместе, а теперь он просто сообщает, что уезжает... Значит, не любит, просто ей все это показалось. Приходил поболтать, потому что скучно было в казарме...

— Ты что ж, боишься деревенской работы? — услышала она вопрос Андрея. Голос его прозвучал сухо, настроенно.

— А чего мне бояться? Ты едешь, не я... — Варя хотелось ответить задорно, но голос ее прозвучал беспомощно.

Андрей схватил ее руку, дохнул в лицо горячим дыханием.

— Я же говорю, едем домой! Ты не боишься, поедешь?

Варя поняла: он тоже робеет, не решается сказать о своем чувстве. Какие у него глаза — большие, ласковые...

Отдышавшись, она сказала, стараясь быть сердитой:

— Что выдумал? Прокожные идут, скажут: солдат с дворником целуются. — Но глаза ее сияли таким светом, что Андрей не обиделся на эти слова.

Потом они долго ходили по тротуару и вслух мечтали о том, как будет жить.

— Гусей там заводим, — неизвестно почему сказала Варя, и ей представилось большое белое стадо, хотя сейчас было совершенно безразлично, будут у них гуси или нет. Перед ее глазами почему-то стояла рябинка с гладким, словно отполированным столом, с резными листьями. И даже будто запахло не то сеном, не то лесной свежестью. Потом вспомнилось, как хорошо было работать в поле. Вот и пойдут новая жизнь, жизнь вместе с Андреем...

Когда Варя вернулась в общежитие, что-то необычное было в ее лице. Девушки заметили это и стали расспрашивать, что с ней.

— В МТС еду!

— Завербовалась?

— Завербовалась! — И Варя рассмеялась долгим счастливым смехом.

Зарегистрироваться в загсе успели накануне отъезда. На шинели Андрея уже не было логот, но он выглядел таким же подтянутым; казалось, военная выправка останется у него на всю жизнь. Прямо из загса все направились к тете Нюре, где отпраздновали свадьбу. Татьяна сильным голосом пела старые песни. Она и радовалась за Варю и грустила, что вот так и не устроила свою судьбу, все бежит по поденкам.

Варя сидела радостная и восторженная. Жизнь в дворничих казалась ей теперь каким-то долгим сном. Метла, сребро, корыто с чужим бельем... Она думала о том, как снова выйдет в поле и будет вдыхать запах нагретой солнцем земли, как будет высаживать тоненькие стебельки рассады. Или, может быть, она поучится и сможет работать с Андреем на комбайне? Она даже не слышала, о чем разговаривают подружки. И неожиданно спросила Андрея:

— А рябины там у вас есть?

Андрей посмотрел на нее поминуще, положил руку на талию и сказал:

— А как же без рябины!!

В Каире строится большой стадион. На строительную площадку приходят сотни юношей-добровольцев.

«ЭЙША РУСИЯ», — ГОВОРЯТ КАИРЦЫ

из путевого влнкнота журналиста

Фото автора.

Порт-Саид обливался кровью, нога и прибыл в Египет.

Журналисты пытались пробиться в город, но их встретили ружейным огнем, арестовали и вернули обратно в Каир. Только одному иностранному журналисту, Пер Андерсену, удалось в то время побывать в разгромленном Порт-Саиде. Он и поведал миру правду о чудовищных злодеяниях интервентов. Другие же журналисты каждые утра навешали информационный центр при чрезвычайных силах ООН с надеждой добиться права на поездку в Порт-Саид, но мистер Гордон — директор информационного центра — высокий лысеющий блондин, лишь беспомощно разводил руками. Все ясно: и сегодня поездка в Порт-Саид не состоится. Вместе с корреспондентом Московского радио Сергеем Каверным мы решили осмотреть Каир.

Это очень древний город. Его улицы и здания повествуют о далеком прошлом страны и о современной египетской архитектуре. Новая часть города, Гелиополис, или «Солнечный город», утопает в зелени. Рядом с гигантскими пальмами и акациями красуются роскошные виллы. Человеку, попавшему в этот благоухающий цветами город-сад, кажется, что он находится в сказочном раю.

В районе Замалек такие же красивые виллы и высотные здания. Козьева садят здесь квартиры по дорогой цене, вводят в домах усовершенствования, которые приносят выгоды. Лифты опускаются и поднимаются автоматически, без лифтеров. Свет на лестницах горит ровно столько, сколько нужно путнику, чтобы достичь парадной двери; для этого нужно нажать кнопку, которая есть на каждой лестничной площадке.

Замалек тянется на несколько километров по левому берегу Нила. На берегу под железными фермами моста располагается зинитная батарея. Солдаты-зинитчики, вооруженные винтовками, в касках, стоят на посту под палками солдатов. Наши аппараты, только что запечатлели на пленку особенности Замалека, раскрыты. Солдаты носятся на нас, но пропускают мимо.

По мосту, шалестя шиннами, бегут автомобили, грохочут лиловые нарисные автобусы и узкие зеленые трамвайчики. Пустые такси движутся на слуха, готовые мгновенно остановиться и взять пассажира по первому зову. Снуют фронтоны, оглядываются на нас, легко угадывая иностранцев.

— Инглизе! — кричит кареглазый чумазый мальчишка.

— Где инглизе? Где инглизе? — раздается позади нас голоса. Это слово, означающее «англичанин», выкрикивают и взрослые и дети, показывая на наши стиральные фотоаппараты. Наконец покинул египтянин останавливает нас. Руки у него измазаны машинным маслом, одежда также в масляных пятнах.

— Инглизе? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я, — Рус!

Толпа передает из уст в уста: «Рус! Рус!» Лица правых весятелект. Старый египтянин протягивает нам руку, называет себя: «Мухамед». Следом за ним подходит другой, жмёт нам руки. Но вдруг молодой с черными уснами египтянин выходит вперед и спрашивает:

— Вы русские? У вас есть документы?

Мы показываем ему зеленые карточки, выданные нам египетским департаментом информации. Он с недоумением вартит их и просит нас пройтись и «капитану». Толпа смущенно замолкает, и Мухамед не зашищает нас, видимо, собираясь, что допустил оплошность, поверя на слово, что мы «рус». Приходится следовать под конвоем все той же толпы. Мальчишки, две минуты назад протягивавшие нам руки, теперь кричат:

— Англичан побизали!

Подходим к брезентовому палаткам. Египтянин с уснами что-то

шепчет солдатам, те пропускают нас за колючую проволоку и ставят возле нас часового. Словом, мы под арестом. Нам остался только ждать милости «капитана». А его нет и нет.

Толпа ошнленно обшудает проишествие, одобряя действия молодого человека, потребовавшего наши докумнты. И сотни гневныи, мягко сдизать, неестных слов звучат в адрес англо-французских захватчиков. Впрочем, сейчас, когда мы стоим под конвоем, все это обращается непосредственно к нам.

— Убийцы! — кричит женщина, присутств с губ черную матерно, которой она ловно обернула свою фигуру, голову и подбородок. — Убирайтесь вон, пираты!

— Приносите бы их тут, и делу конец, — предлагает феллах.

Солдат берет винтовку наперевес и делает шаг к толпе. Этот манер нас немного услаивает. Наконец повелеется «капитан» — командир батареи. Он козыряет и берет наши зеленые книжечки. Молодой с уснами что-то объясняет ему шепотом. Вдруг лейтенант расшлывается в улыбку, снова берет под козырек и говорит:

— Извините, произошла ошибка. Но вы сами понимаете, военное положение. Люди бдительны. Вы ходили с открытыми аппаратами мимо военных укреплений.

— Они ничего не фотографировали, — раздается голос Мухамеда.

— Извините еще раз, друзья! — И лейтенант возвращает нам документы. Он предлагает подвезти нас на своей машине до гостиницы, но мы, сердечно поблагодарив лейте-

сты, налкасим — местной репы — тоже держат свой товар снаружи.

Улочка полна народом. Сидящие на камнях приступают у дверей своих домов извещают о грудных детей. Отчаянно шумят девочки и мальчики, поглощенные какой-то игрой. Шум еще больше усиливается от ударов бубна, под который пляшут два девочки школьного возраста. Мужчины, свободные от работы, греются на солнышке, поймав сигаретку и обшудая свои дела. Из зарывен коезде выбиваются струйки серого дыма. Там двое — трое посетителей насоро проглатывают тарелку чечевицы и риса, политых оливковым маслом. А вот рядом с нами изтятся повозка с аляписнами и араксисом. Козини ее громко зазывает почитателей.

Мы любовно приглядываемся к оконым обычаям и традициям этих трудолюбивых людей. И нам кажется, что здесь, на улочке, проходит вся жизнь простого народа. Конечно, мы не остаемся незамеченными. На нас строго косится женщины, поспешно зануывая свои лица теньями покрывалами. Простанавливают игры дети и провожают нас недружелюбными взглядами. Подходит мужчина и спрашивает, кто мы и откуда. И вот тут магическое слово «рус!» буквально взбурраживает всю улицу.

Узнав, что мы советские журналисты, египтянин зовт соседей, и те обшудают нас и без конца трясут наши руки. Юноши и подростки выбегают из домов и, подниокаясь к толпе, кричат: «Эйша Русия! Эйша Русия!» («Да здравствует Россия!»). Мальчики и девочки звонко смандируют «Рус! Рус!» — неистово хлопаят в ладоши. Они поднимают такой гам, что с другого конца улицы прибегают полицейские, но, узнав, в чем дело, чинно движутся в толпе, сдерживая ее бушующие волны...

И здесь, в этом маленьком старом уголке Маира, знают о Советской стране.

Мы выходим на огромную площадь Ат-Такхир. Подрастич-бойсноты в форме цвета хаки — рубашка с потгончиками, короткии штанах и гетрах — подходят к проезным, пронзают одно слово: «Порт-Саид!» — и протягивают местную морюку. Каирцы опускают в нее монеты — в фонд помощи жертвам агрессии.

С газетного эмнеса группа людей. Египтяне, одетые по-разному; и в привычных для нас европейских костюмах и в длинных, почти до пят балабехах, — слушают по радио последние известия. Мы останавливаемся. А мальчишки, не отходящие от нас ни на шаг, уже сообщали толпе, кто мы. Обладатель привычки, продавая газет мавлет нам, чтобы мы подошли поближе, и заняли самое удобное место. «Рус! Рус!» Раступаются люди, старенький приемник потрескивает, но голос диктора звучит ясно и твердо... В Порт-Саиде не пренращется стрельба...

По решению египетского правительства в стране проводится освоение целины. Эти молодые египтяне поселились на новых землях.

нанта, отказываемся и шествуем по мосту, окруженные толпой. — Ну какие же они инглизе! — упрекает Мухамед молодого паренька с уснами. Винозник «инцидента» молчит.

Минувая зенитную батарею, мы сверачиваем вправо, в старый квартал Каира. Улочка тесная, окруженная глинобитными и кирпичными домами не выше трех этажей. Все уже и уже смыкают ее дома, а нижних этажах которых находятс лавочки, мастерские, харчевни. Мы идем уже посередине улицы, чтобы не задеть головами только что освешившие головыи туши. Продавщи банаков, цветной капу-

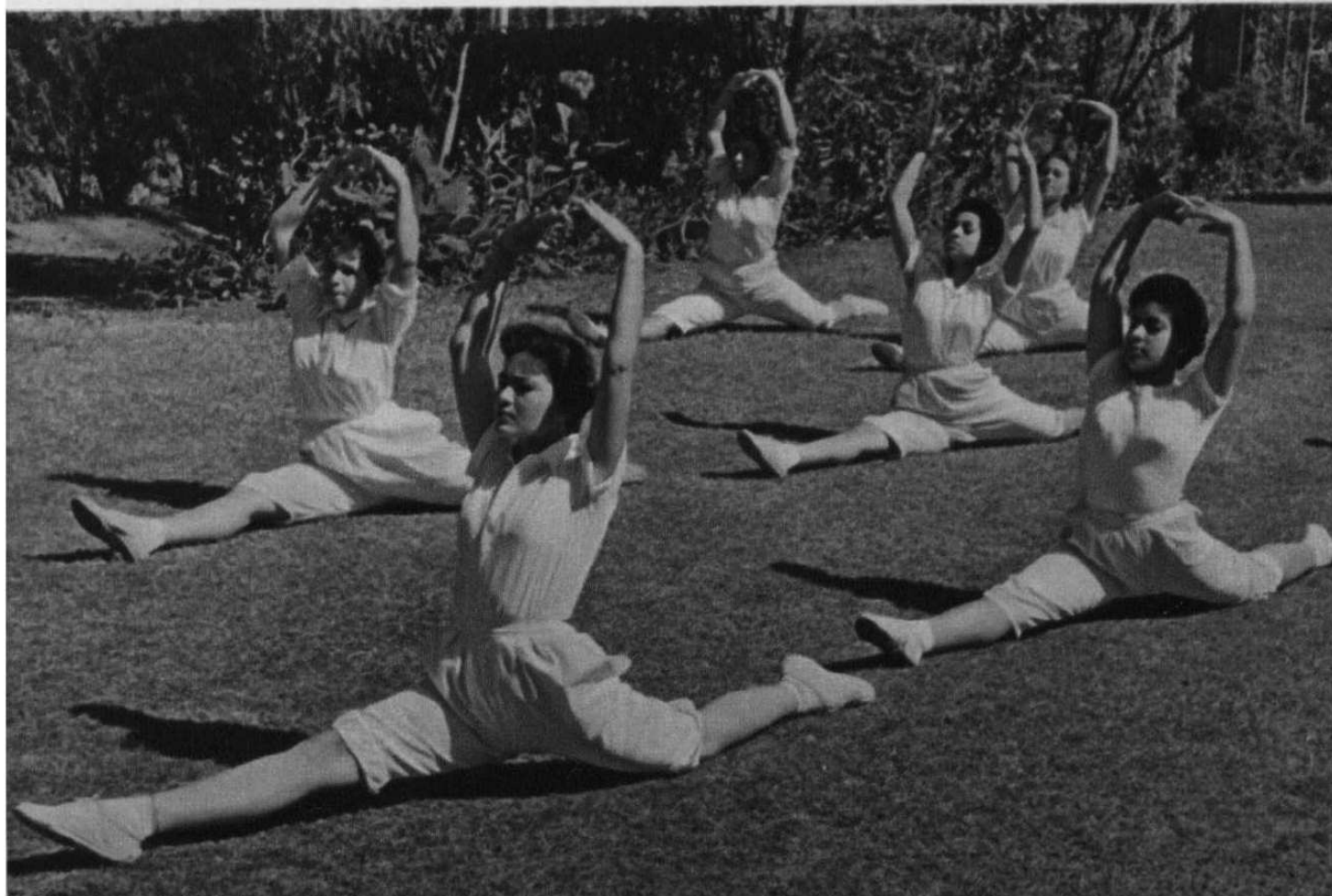
Англо-франко-израильские агрессоры зверски разрушили Порт-Саид. Так выглядела улица Шериф Аббади после бомбежки города интервентами.

С той поры прошло несколько месяцев. Я вернулся на Родину, но впечатление о поездке в Египет живы в памяти. Да и можно ли забыть, как сияли глаза простых каирцев, когда они говорили о нашей стране, выражали чувства любви и благодарности к советским людям, поднимавшим мощный голос протеста против разбойничьей войны англо-франко-израильских интервентов!

Сейчас трудолюбивый, талантливый народ Египта занят мирными делами. Он восстанавливает Порт-Саид, разрушенный захватчиками, налаживает хозяйство, строит новую жизнь. Молодежь Египта, как и вся прогрессивная молодежь мира, ждет сейчас вестями о поездке на фестиваль в Москву. Молодые египтяне готовят интересную фестивальную программу, и недалек тот день, когда мы увидим в Москве самобытное, темпераментное, яркое искусство наших египетских друзей.

В. СИЛАНТЬЕВ

На вклдаке: Каир. Живописный уголок в центре города (фото сверху). Египетская молодежь готовится к VI Всемирному фестивалю. Студенты института физического воспитания участвуют в гимнастической программе (фото внизу).

Уральский русский народный хор — наводит в участники VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. К предстоящему празднику юности он подготовил новую программу. На снимке: танцевальная группа хора исполняет переплыв «Свадьба».

ПУЛЬС ФЕСТИВАЛЯ СЛЫШНЕЙ С КАЖДЫМ ДНЕМ

Фото А. Уоллва.

Утром, перед тем как приступить к работе, сотрудники Подготовительного комитета покупают в киоске газеты, поступающие из разных стран мира.

Москва, улица Кропоткина, 37. Здесь помещается Международный подготовительный комитет VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Первое, что бросается в глаза каждому, кто входит сюда,— это своеобразный календарь: высокий щит с надписью «До фестиваля осталось...»

— Можно войти? Мы пришли поговорить.

дней». Вначале на его «листке» стояла трехзначная цифра, ныне — двухзначная, а скоро останутся считанные дни. Во всех отделах штаба фестиваля чувствуется приподнятость, какая бывает перед большим праздником.

Нам удалось наблюдать обычный день Подготовительного комитета.

— Зайдите, ребята, в экспедицию, там ваша помощь может пригодиться.

Экспедиция — место, куда тянутся незримые нити со всего мира. Тут на столах громоздятся увесистые мешки с почтой, лежат пакеты, готовые к отправке. Рядом только что прибывшие газеты, журналы, письма, плакаты. Десятки юношей и девушек разбирают сегодняшнюю корреспонденцию. Среди них — студентка Инженерно-экономического института Галина Черкасова и финская девушка Пиррика Пойколайнен. Сейчас они готовят и отправке плакаты, которые просили прислать молодежные организации Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании.

— Много ли у вас адресатов, с которыми ведется переписка?

Пиррика Пойколайнен широко разводит руками: на вопрос ей трудно ответить — она лишь недавно начала изучать русский язык.

— Это можно узнать в картотеке, — советует Галина Черкасова.

Картотечкой заведует венгр Янош Уйи, участник нескольких фестивалей. Он следит за тем, чтобы ни на секунду не ослабевали связи комитета с тысячами молодежных организаций мира.

— У нас около тридцати тысяч адресатов, — говорит Янош и, перебирая лежащие на столе конверты, читает: — Мартиника, Коста-Рика, Сенегал, Гана... Вот письмо в столицу Гаделупы. А этот пакет полетит во Французскую Гвиану, в Национальный подготовительный комитет фестиваля. Следующее письмо — секретарю

В экспедиции готовят и отправку плакаты, которые просили прислать молодежные организации, изъявившие желание участвовать в фестивале.

— Когда борешься за общее дело, всегда найдешь и общий язык, — говорит сенегалец Ло Шейк Бара.

В девять часов утра открылось справочное бюро, и комсомолка Капитолина Корнева сразу же сняла трубку телефона.

— Фестивальный комитет? — послышался приветливый голос. — Скажите, товарищ, не нужна ли вам комната? Отличная большая комната в центре города. Я на все лето уезжаю и хочу оставить ее для делегатов фестиваля. Сорок метров! Разумеется, бесплатно, никаких денег!

— Большое вам спасибо, но участники фестиваля будут обеспечены гостиницами! — отвечает Капитолина.

Вскоре пришли первые посетители — старушка и несколько школьников. Старушка спрашивает:

— Кому можно передать стихи?

— Стихи? — Капа немного смущена. — Если на конкурсе, то по условиям, видите ли...

— Какой там конкурс! — сбивчиво объясняет старушка. — Я приехала из Тулы. Мы, то есть я и мои соседки, в общем, домохозяйки, написали стихи... Приветствие в стихах. Так вот нельзя ли, чтобы наше приветствие прочитали на открытии фестиваля?

Ну, как тут отказать? Капа берет стихи и обещает передать их в соответствующий отдел.

Затем начинается своя краткую, но, видимо, давно и тщательно подготовленную речь школьница в белом переднике:

— Мы, ученики двадцать девятой школы, хотим помочь в подготовке фестиваля. Мы... Она испуганно останавливается.

— Мы изучаем... — шепотом подсказывает стриженный наголо паренек.

— Да! Мы изучаем английский язык и можем вам помочь говорить и читать по-английски.

Жуоиники Борис Лорана и архитектора Ростислава Гвоздева мы встретили на Красной площади...

местного подготовительного комитета провинции Тукуман в Аргентине. Вот эту фестивальную газету просила прислать в Чикаго Барбара Перри... Разумеется, одни мы справиться с такой почтой не можем, нам помогает много добровольцев. Вчера, например, приходила комсомолка Ленинского района...

Нашу беседу прерывает телефонный звонок:

— Вас вызывает Париж!

• • •

В одном из кабинетов за большим столом идет дружеская беседа. Работники Международного комитета принимают у себя делегацию деятелей науки и культуры Западной Германии. За столом рядом с французом Жаком Дени, русским Константином Кузнецовым, шведом Баром, немцем

Жак Дени принимает подарки Международному подготовительному комитету от представителей западногерманской интеллигенции.

из ГДР Вернером Ламберцем сидят убежденные сединами ученые — профессор философии и доктор медицины Аугуст Галлингер, доктор теологии и философии профессор Иоганн Ауфгаузер и профессор политэкономии и философии Франц-Пауль Шнейдер.

Что привело сюда этих почтенных ученых? Дело в том, что представители западногерманской интеллигенции решили помочь молодежи ФРГ организовать поездку своей делегации на фестиваль в Москву. Профессор Шнейдер стал членом Международного подготовительного комитета. Он говорит: «Молодежь должна понять: то, что объединяет народы, гораздо прочнее того, что их разъединяет».

Идет деловой разговор об участии молодежи ФРГ в фестивале. В заключение беседы профессор Шнейдер подносит представителям Международного комитета подарок — альбом «Земли Рейна и Рура», и долгоиграющие пластинки, на которые записаны гетевский «Фауст» и девятая симфония Бетховена.

Поэт Мения Мартинес...

Здесь прослушивают и обсуждают новые песни.

Заглянув в одну из комнат на втором этаже, мы услышали неожиданный возглас:

• • •

— Пирожки! Жареные пирожки! С маслом, капустой, рисом, вареньем! Сто тысяч штук! Нет, мало! Полтораста тысяч!

Боже, у кого такой чудовищный аппетит! Кто этот Гаргантуа!

Оказывается, речь идет об «аппетитив фестивале». Надо заранее заказать торгующим организациям «фестивальное меню». Московские кулинары собираются угостить участников праздника юности русскими блюдами. Но, может быть, индейцы и индийцы, немцы и французы, бразильцы и вьетнамцы пожелают получить свои, привычные им блюда? Повара решили изучить кухню всего мира. Сейчас они практикуются в приготовлении итальянских спагетти, арабского кус-куса, китайских трепангов, французских супов и сотен других национальных блюд.

• • •

...На листах ватмана, на полотнах, в проектах, которые неводятся в Подготовительном комитете, уже сейчас можно увидеть фестивальную Москву: символическое изображение пяти материков у Озютного ряда, «Улицу пяти Шестивалей» — она протянется от Зубовской площади до стадиона имени Ленина, «Улицу пятнадцати Советских республик» — участок Садового кольца от Зубовской площади до площади Восстания...

С лудожником Борисом Лораном и архитектором Ростиславом Гвоздевым мы встретились на Красной площади. Развернув на капоте «Победы» чертежи, они обсуждали детали своего проекта. Основная тема оформления Красной площади — дружба народов нашего многонационального государства.

Стены древнего Кремля, здание ГУМа, проезды на площадь будут украшены гигантскими флагами, гербами, национальными орнаментами.

• • •

Вечером Совет студенческого клуба фестиваля устроил встречу учащихся художественных вузов. В гостинице Центрального дома работников искусства собрались будущие музыканты, певцы, актеры, балерины, художники.

В одной из комнат слышится музыка: здесь выступают композиторы с песнями, написанными специально для фестиваля. В читальном зале поэты декламируют свои новые стихи. В фойе развешены стерильные русские нарды: тут дают консультацию по костюмам для фестивального нарвала.

А в малом зале за круглым столом собрались представители зарубежных студенческих организаций.

Они рассказывают друг другу о том, как молодежь их стран готовится к фестивалю.

Молодая кубинская артистка Мения Мартинес что-то быстро говорит переводчику.

— Мения Мартинес просит предоставить ей не слово, а... песню.

— Проси! Проси!

Мения поет хорошо знакомую всем «Голубку».

Потом один из участников встречи берет аккордеон, и вот уже все кружится в танце.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

